EMORY L BROWN, JR.
ROUTE NO. 4, BOX 82
FARMINGDALE, NEW JERSEY 07727

July 16, 1968

Mr. Harold Weisberg
Old Receiver Road
Route 7
Frederick, Maryland
21701

Dear Mr. Weisberg:

I received your letter of July 13, today and I am enclosing copies of the three page F.B.I., report on Donald W. House which I obtained from the National Archives.

You asked what areas I intended to inquire into and I must admit that I do not have a definite plan of attack at this time. However, I would like to pursue my inquiry concerning the suspects reported in the Dallas Police radio transmission transcripts. Also, I am very much interested in finding out more about Commission Exhibit 111 and how it figures in the scheme of things. This exhibit is a book that Marina Oswald said belonged to her and this book contains several pages which have a number of letters put from them. The Government and the people at the National Security Agency gave the impression that the removed letters might have been used to send a message, but it is quite clear to me, that these pages represent an example of a cryptographic technique known as the Grille Cipher method.

I wish you much success with you work concerning the two new books and I will advise you of any new developements.

Sincerely,

Emory L Brown Jr.

Enclosures ~~(5)~~ 9

CODES and CIPHERS

Secret Writing Through the Ages

by JOHN LAFFIN

illustrated by C. de la Nougerede

E L BROWN JR

Abelard-Schuman
London New York Toronto

If the Abbot wanted to encode the plea SEND HELP, he ould write: IN HIS REIGN [in] PERPETUITY [and] IN PARA-SE [in] ONE INFINITY INCESSANTLY [for] PERPETUITY nd] IN GLORY [and] IN DIVINITY.

The addition of the words in brackets, to make the mes-age read more fluidly, would not confuse the recipient t the message who had copies of the alphabets. The send-r could choose words and phrases from any of the four-een alphabets and would quote the number of the alpha-bet from which they came. The disadvantage of the sys-em was the time taken to write a long message.

The advantages of the Trithemian system are that even the existence of a ciphered message can be concealed; the clear may be in one language and the message in anoth-r and, because of the many equivalents, decipherers would have to accumulate a lot of material before they ould hope to find similarities which might lead to their breaking the cipher.

Unfortunately for the Abbot, many people who read his book accused him of black magic. This led to such a ass that all copies of the book that could be rounded up were publicly burned. The Abbot was lucky that he was not burned with them.

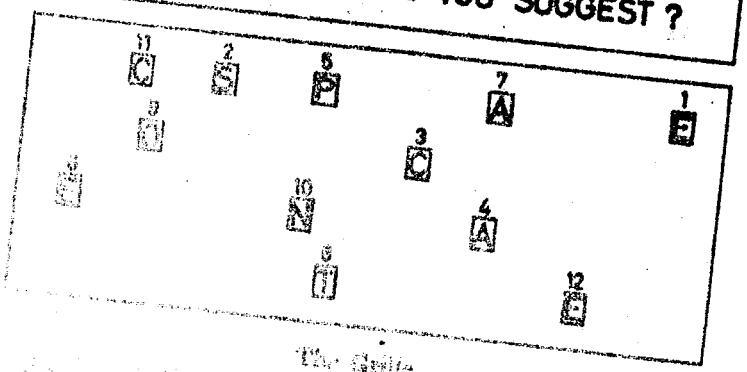
An Italian doctor (Jeronimo Cardano) followed Abbot Trithemius as the next important cryptographer. Car-dano invented the Trellis (or Grille) Cipher, which is still sed in various forms. A grille is simply a piece of paper with a number of holes cut in it. To write a secret mes-age, you put the grille over a sheet of writing paper and

E L BROWN JR

through the holes you put down the letters which make up the message. Then you take away the grille and compose a longer message around the key letters. The recipient, who has an identical grille, simply puts it over the message and at once the secret communication is revealed. Suppose we take the short message: ESCAPE AT ONCE. We need a grille of twelve letters, that is, twelve small squares cut at random in the grille-paper, and numbered.

Write through these windows the letters of the message. When you remove the grille, the letters are ar-

UNCLE IS PREPARED TO ADVANCE ME THE MONEY TO PRODUCE THE PLAY, BUT WE MUST CONVINCE HIM THAT THE CRITICS WILL LIKE IT. WHAT DO YOU SUGGEST ?



The Grille

Так и случилось. Бабушка Дарья каждый день доходила на виноградник и носила Филиппу еду. Ее никто не мог заподозрить, так как все жители городка знали о том, что она очень любит посидеть там под своими липами.

Я виделся с Филиппом всего два раза. Первый раз, когда мне [illegible] с последними вестями с Восточного фронта, а второй — через месяц, когда Филипп уже [illegible]. Хотя и [illegible] партизанские правда, мы все сидели [illegible] куда он пойдет. Сердце [illegible] — да и погода [illegible] ясно, небо [illegible] стало [illegible].

— Я знаю, куда мне идти. Вы не беспокойтесь! — [illegible] Филипп. — До свидания, товарищи учителя.

— До свидания, Филипп!

И [illegible]

14. НОЧЬ КОНЧИЛАСЬ

И вот опять прошли [illegible]. Ребята весело [illegible] распустившегося [illegible]. Со всех дворов [illegible] ароматный [illegible] [illegible] По улицам [illegible] [illegible] Как [illegible]

[illegible] в мае? Не вспомнились ли вам первые дни в школе, когда вы с радостью читали по складам славянскую азбуку солунских братьев? Тьма застилала ваши глаза, в камни превратились ваши сердца? Живые трупы!

И все так урок есть урок!

Сегодня обязательно прежде всего спросим Веселину Маркову. Ведь Филиппа к Дунаю нет. А мне так хочется именно сейчас услышать голос рапсиста.

Спокойно, уверенным шагом выходит Веселина к доске и, взглянув на меня своими открытыми глазами, начинает говорить.

Отлично, Веселина! Второй раз я [illegible] тебе отлично. А сейчас не [illegible] и за то, что ты взяла в свои руки [illegible] лазическим обществом по противопожарной [illegible]

Все учителя [illegible] к брахманами" с одной стороны [illegible] ными учениками гимназии [illegible] чайная борьба за овладение [illegible] ства. И вот Веселина [illegible] [illegible] гимназисты [illegible] Потом они устроили собрание и [illegible] ная, что участвовать в выборах [illegible] имеют право лишь те, кто [illegible] членские взносы. Поздравляю [illegible]

— Отлично, Веселина! [illegible]

Все так же спокойно [illegible] шагом к своему месту [illegible] Суровый вид, волевой [illegible] сосредоточенный взгляд [illegible]

* 24 мая — день славянской письменности

Так и случилось. Бабушка Дарья каждый день ходила на виноградник и носила Филиппу еду. Ее никто не мог заподозрить, так как все жители городка знали о том, что она очень любит посидеть там под своими липами.

Я виделся с Филиппом всего два раза. Первый раз, когда занес ему газеты с последними вестями с Восточного фронта, и второй — через месяц, когда Филипп уже поправлялся. Хотя я и знал партизанские правила, все же спросил его, куда он пойдет. Сердце не позволяло мне молчать. Да и погода изменилась к этому времени: стало холодно, небо набухло от серых туч и уже пахло снегом.

— Я знаю, куда мне идти. Вы не беспокойтесь! — улыбнулся Филипп. — До свидания, товарищ учитель.

— До свидания, Филипп!

И мы крепко пожали друг другу руки.

И НОЧЬ КОНЧИЛАСЬ

И вот опять пришла весна. [illegible] весело зашумели среди распустившихся верб. Со всех дворов понесся упоительный запах цветущей сирени. [illegible]

[illegible]

ния из-за цветущей сирени и пышно взбитых кудрей учениц. Наказаны были и Димо с Латинкой, но на этот раз он не сердился. Почти каждый день я встречал их вместе, и это радовало меня, потому что непостоянный Димо сейчас проявлял постоянство.

Но было в этой весне и нечто, отличавшее ее от других весен. С Восточного фронта долетали до нас радостные вести: гитлеровские войска продолжали «сужать» боевые линии. Иногда по [illegible]ной улице [illegible] г[illegible]одка проносился какой-нибудь немецкий грузовик, в котором сидели мрачные солдаты в с[illegible]х касках. Никто не поднимал руку для приветствия.

Однажды на площади мне повстречался бай Куман. Помахав р[illegible], он подошел ко мне.

— Здравствуй, учитель!

Лицо его сияло. Наклонившись, он прикурил от моей папиросы, затянулся с наслаждением и взглянув на меня своими глубокими синими глазами, сказал:

— Скоро бай Куман опять откроет свою харчевню, опять соберет своих орлят. Выше голову, учитель!

Я понял, на что он намекал. Ему хотелось сказать мне еще что-то, [illegible]но в это время послышался звон шпор — на площади показался нача[illegible]ник полиции.

— До свидания! — сказал бай Куман, по-прежнему улыбаясь, и ушел.

Увы! Это была наша последняя встреча.

Вскоре произошли события, от которых весь наш городок оцепенел. Но сначала я расскажу

о том, какой циркуляр мы получили из Министерства просвещения: это было что-то чудовищное, небывалое в истории нашей культурной жизни.

На заседании педагогического совета директор был мрачен как туча. Он долго поправлял свои манжеты и перекладывал из руки в руку листок бумаги — словно хотел освободиться от него. Но циркуляр есть циркуляр, надо было прочесть его. И директор прочел. . .

[illegible]инистерство просвещения запрещало праздновать день Кирилла и Ме[illegible]одия.* [illegible]тало невыносимо тихо. Все молчали и переглядывались друг с другом. Да же и Абаджиев с [illegible]ладовым опустили головы и не произнесли ни слова. После этого совета мы вышли из учительской как с похорон.

Какой уж тут урок! [illegible] сидел за столом и, глядя на учеников, с грустью вспоминал свои школьные годы. . . В классах все начищено до блеска, а мы плетем венки. И с такой радостью украшаем ими портреты солунских братьев! Вокруг нас разбросаны всевозможные цветы — словно поля забрызганы всеми красками мира. Запах кружит голову. И сильнее всего — аромат сирени. [illegible] через открытые окна льется майское солнце. Из соседнего класса доносится: «Вперед, народ наш возрожденный. . .» [illegible]акая чарующая песня! [illegible] ней будто собрано все самое лучшее, из пережитого нами в школе!

Варвары! Как вы могли это сделать? Вы любите бить себя в грудь и говорить, что только вы — подлинные болгары. Неужели ничто не дрогнуло

* 24 мая — день славянской письменности.

в вас? Не вспоминались ли вам первые дни в школе, когда вы с радостью читали по складам славянскую азбуку солунских братьев? Тьма застлала ваши глаза, в камни превратились ваши сердца! Живые трупы!

И все же урок есть урок!

Сегодня обязательно прежде всего спрошу Веселину Микову. Ведь Филиппа и Димки нет. А мне так хочется именно сейчас услышать голос рэмсиста.

Спокойно, уверенным шагом выходит Веселина к доске и, взглянув на меня своими открытыми глазами, начинает говорить.

Отлично, Веселина! Второй раз я уже ставлю тебе отлично. А сейчас не только за урок, но и за то, что вы взяли в свои руки руководство гимназическим обществом по противогазовой защите.

Все учителя знали, что между легионерами и бранниками* с одной стороны, и прогрессивными учениками гимназии — с другой, шла отчаянная борьба за овладение руководством общества. И вот Веселина настояла, чтобы все прогрессивные гимназисты платили членские взносы. Потом они устроили собрание и приняли решение, что участвовать в выборах руководства имеют право лишь те, которые регулярно платят членские взносы. Победили рэмсисты.

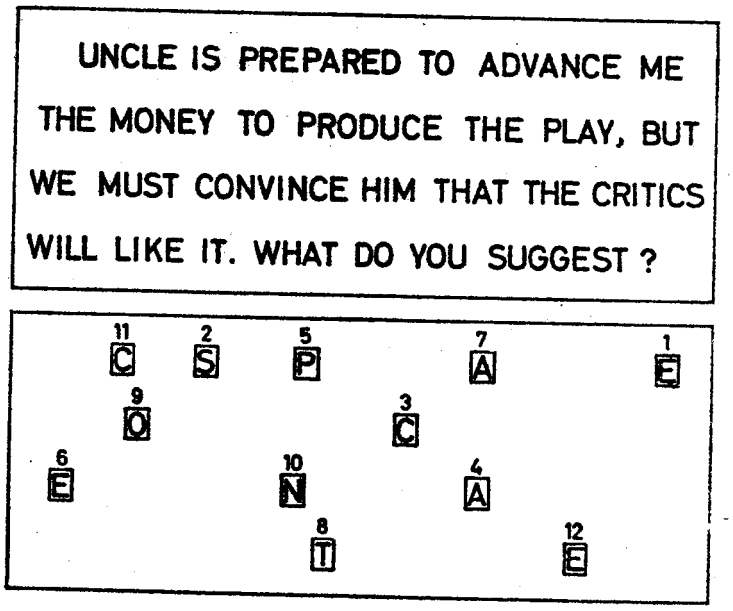
— Отлично, Веселина! Садись.

Все так же спокойно, не спеша, она направляется к своему месту. Я смотрю на ее профиль. Орлиный нос, волевой подбородок. Задумчивый, сосредоточенный взгляд.

* Легионеры и бранники — члены [illegible] фашистских организаций в Болгарии.

through the holes you put down the letters which make up the message. Then you take away the grille and compose a longer message around the key letters. The recipient, who has an identical grille, simply puts it over the message and at once the secret communication is revealed. Suppose we take the short message: ESCAPE AT ONCE. We need a grille of twelve letters, that is, twelve small squares cut at random in the grille-paper, and numbered.

Write through these windows the letters of the message. When you remove the grille, the letters are ar-



The Grille

ranged meaninglessly. We write a message, any message, around the letters, so as to make it appear a harmless letter. But the recipient has only to put his own grille over the letter to see what it contains.